

— Только не плачь, — у Е Мянэ разболелась голова. — В такой холод заплачешь — всё лицо обветрится. Я слышал, в палате Шисюэюань есть правило: слуги с изъёмами на лице к господам не допускаются. Изуродуешь слезами свои щеки — тут уж даже я тебе не помогу.

Мальчик-слуга, напуганный его словами, тут же затих. Е Мянэ пощупал его тонкую синюю ватную куртку:

— Ваша одежда слишком тонкая, возвращайся скорее. И не забудь прийти ко мне завтра утром.

Мальчик кивнул, все еще всхлипывая и не сводя с него глаз.

Когда Е Мянэ вернулся во Двор Цижуй, в учебном классе вовсю горели огни. Стоявший у дверей слуга, вытягивавший шею в ожидании, при его появлении поспешно крикнул внутрь:

— Молодой господин Е вернулся!

Вэй Анъюань, Ли Чжао, Вэнь Сюнь и Жуань Юньшэн вышли ему навстречу.

На душе у Е Мянэ потеплело, он с улыбкой спросил:

— Вы все еще здесь?

Вэй Анъюань подошел ближе и спросил:

— Какое наказание тебе дали?

— Стоять на коленях и переписывать правила академии.

Переглянувшись, ребята спросили:

— И всего-то?

Е Мянэ беззаботно усмехнулся:

— А то как же?

Каждый из них задумался, и все они прекрасно поняли, что к чему.

Все пятеро направились к выходу. Вэнь Сюнь, повесив нос, плелся сзади, таща в руках книжные сумки остальных. Друзья нарочно поддразнивали его и не обращали внимания.

— Кстати, Анъюань, — заговорил Е Мянэ на ходу, обращаясь к Вэй Анъюаню, — насчет того слуги, который был сегодня в обед в трапезной. Передай завтра управляющему Цяо из палаты Шисюэюань, пусть переведет его к нам во Двор Цижуй.

— С чего это ты о нем вспомнил?

— Столкнулся с ним по дороге назад. Сидел, забившись в декоративную горку, и слезы лил. Сказал, его хотят выгнать. Плакал так жалобно, бедняга.

— Хм. Но ведь количество слуг в каждом дворе строго определено. Если придет он, то кого-то придется перевести.

— Ну так того, который сегодня утром помогал тебе снимать плащ. Ты же сам ворчал, что он бестолковый. Вот пусть этот новенький прислуживает лично тебе.

Ребята дружно рассмеялись. Жуань Юньшэн, шедший следом, лишь покачал головой от беспомощности. Этот четвертый молодой господин Е пожалел того, кто плакал у него на глазах, но совершенно не подумал о том, сколько слез прольет за его спиной тот, кого переведут. Разве для простого слуги служба в трапезной и служба в учебном классе — это одно и то же?..

За воротами Цзисянь Императорской академии Гоцзысюэ их уже ждали экипажи. Слуги с зажженными факелами и фонарями в руках выстроились в ряд.

Премьер-министр Вэй и заместитель министра Вэнь, а также старшие братья Ли Чжао и Жуань Юньшэна тоже приехали. Мальчишки поспешили поприветствовать их по всем правилам.

Все всегда величественный премьер-министр Вэй до сих пор был в чиновничьем одеянии первого ранга — судя по всему, он приехал прямо из ведомства. Однако при виде ребят его лицо смягчилось, и он с улыбкой велел им подняться.

Вэнь Сюнь рядом с отцом почувствовал себя увереннее. Прежде чем подняться в повозку заместителя министра Вэня, он, запинаясь, крикнул Е Мяню:

— Брат Мянь, я больше никогда в жизни не притронусь к южным блюдам!

Е Мянь наконец не выдержал и рассмеялся:

— Поезжай уже домой скорее. Завтра в трапезной наверняка будут подавать только южные блюда. Если посмеешь заявить в академии, что отказываешься от еды, мне придется отдуваться на коленях еще раз.

Приоткрыв оконную занавеску в карете, премьер-министр Вэй окликнул Е Мяня и мягко произнес:

— Ты уже понес наказание за сегодняшнее, так что не бери в голову. С завтрашнего дня никто об этом и не вспомнит.

У Е Мяня загорелись глаза, и он почтительно поклонился премьер-министру Вэю как старшему.

Премьер-министр Вэй с улыбкой кивнул и добавил:

— Вы все сорванцы, и я не собираюсь вас ограничивать. Запомните лишь одно: с этими южанами можете соперничать и язвить сколько угодно, но не смейте переходить черту, вредить людям и рушить основы.

Е Мянь почтительно согласился.

— На улице холодно, не стану тебя задерживать. Думаю, когда ты вернешься в поместье, твой отец сам разъяснит тебе суть дела.

— Да.

— Аньюань вместе с тобой...

Премьер-министр Вэй не успел договорить, как из кареты донесся раздраженный голос Вэй Аньюаня:

— Отец, ну можно покороче? Вы что, хотите его до костей заморозить?

Премьер-министр Вэй с улыбкой покачал головой, мягко похлопал сына по руке и обратился к Е Мянью:

— Ступай скорее домой. Отец в поместье, должно быть, уже заждался тебя.

Проводив взглядом экипажи семейств Вэй и Вэнь не без легкой зависти, Е Мянью наконец сел в свою карету.

Управляющий Ню, сжался над дрожащим от холода Е Мянью, поплотнее укутал его в плащ и поспешил достать несколько еще теплых фасолевых пирожных.

— Четвертый молодой господин, съешьте скорее кусочек, пока не остыли.

Е Мянью взглянул на угощение:

— Отец небось уже с палкой у ворот меня поджидает? Решил даже ужином не кормить?

Управляющий Ню со вздохом покачал головой:

— Про побои никто не говорил, но господин и впрямь не на шутку разгневан.

Е Мянью выхватил пирожное из рук управляющего Ню и запихнул в рот. Впереди его ждал нешуточный бой, а вести войну со стариком на пустой желудок — гиблое дело.

— Всё же бабушка меня любит. Эти фасолевые пирожные готовила няня Ли?

— Старая госпожа уже отправила людей дежурить у кабинета господина. Чуть что пойдет не так, она тут же вмешается. Не бойтесь, молодой господин, — тихонько прошептал управляющий Ню.

Дорога была свободна, и вскоре они добрались до дома. Вернувшись в поместье Е, Е Мянью вместе с Фэнцзином сразу направился к отцовскому кабинету во внешнем дворе.

Войдя внутрь, Е Мянью не увидел заместителя министра Е с палкой наперевес у дверей. Отец сидел за письменным столом из древесины хуанхуали, подперев голову рукой и погрузившись в свои мысли. Стопки бумаг на столе лежали ровными рядами, а кисти на подставке оставались чистыми — к ним явно даже не прикасались.

Слуга, придерживавший для Е Мянью полог двери, робко доложил:

— Господин, четвертый молодой господин прибыл.

Заместитель министра Е медленно перевел взгляд на дверь. Лицо его было мрачнее тучи.

— На колени.

Е Мянью мысленно три секунды оплакивал свои колени, и без того настрадавшиеся за день, и обреченно опустил на пол.

Прислуживающий мальчик поспешил подложить ему подушечку для коленей, но заместитель министра Е, как и следовало ожидать, тут же прикрикнул:

— Пусть стоит прямо так!

Когда слуги, согнувшись в поклоне, вышли, заместитель министра Е ледяным тоном произнес:

— Будешь стоять здесь и размышлять над своим поведением. Ответишь мне только тогда, когда все осознаешь.

Ощувив коленями жесткие, ледяные каменные плиты пола, Е Мянью скривил губы и тихо пробормотал:

— Сын ваш осознал свою ошибку. Я уже полдня размышлял над этим в павильоне Синсы, так что могу покаяться прямо сейчас.

Заместитель министра Е холодно хмыкнул:

— О? Ну так выкладывай.

Е Мянью прокашлялся:

— Соученики из Двора Цинань проделали долгий путь, и мы, как хозяева этих мест, обязаны проявлять к ним дружелюбие, заботу и всячески помогать, а не выказывать пренебрежение...

— Паршивец! — заместитель министра Е с силой хлопнул ладонью по столу. — Хватит вешать мне на уши ту лапшу, которой ты кормил инспектора дисциплинарной палаты! Ты держишь собственного отца за дурака?

Е Мянью опустил голову, закатил глаза и промолчал.

Заместитель министра Е гневно уставился на него, тяжело дыша:

— С тех пор как ты начал учиться, я ничего великого от тебя не ждал. Я лишь хотел, чтобы ты спокойно отучился в Императорской академии Гоцзысюэ и не превратился в одного из тех праздных бездельников, что только и умеют пускать ястребов, выгуливать собак да кутить днями напролет. Неужели ты не можешь исполнить хотя бы это скромное желание?

— Мянью-эр не посмеет.

— Не посмеет? Да чего ты только не смеешь! — сурово прикрикнул заместитель министра Е. — Целыми днями только и делаешь, что сеешь смуту в академии. Ты опозорил меня, Е Хэна! Когда учился твой брат, все вокруг завидовали мне черной завистью. А с тобой дошло до того, что люди мне в спину плюют и насмеваются!

Е Мянью глубоко вздохнул.

— А сегодня ты превзошел сам себя — устроил переполох за пределами Императорской академии Гоцзысюэ, да такой, что всполошилось само руководство! Что дальше, завтра ты поднимешь бунт до самых небес?

Е Мянью прикусил губу и не удержался от оправданий:

— Я всего лишь попросил для Вэнь Сюня порцию южной еды. Кто же знал, что все раздуется

до таких масштабов? Я ведь не нарочно.

— Негодяй! Ты еще смеешь мне прекословить? — Заместитель министра Е пришел в ярость. Он схватил со стола белое нефритовое пресс-папье в форме лежащей лошади и швырнул в сына. К счастью, бросок оказался неточным, однако осколки разлетелись во все стороны, осыпав ничего не подозревающего Е Мянью с ног до головы.

От резкого стука Е Мянью опешил и лишь спустя некоторое время пришел в себя. Он поднял руку, коснулся саднящего места между бровей и увидел на пальцах кровь.

Внутри у него все вспыхнуло от ярости!

Да это что еще за отчим такой?!

Заместитель министра Е бушевал, но и у Е Мянью характер был не сахар. Ноги после полудня стояния на коленях немилосердно ныли от холода каменных плит, а съеденные наспех два фасолевых пирожных давно переварились. От голода его трясло, и брошенное пресс-папье стало последней каплей.

Заместитель министра Е продолжал тыкать в него пальцем и сыпать проклятиями:

— Ах ты, непочтительный сын! Мало того что дома ведешь себя как капризная барышня, придираясь к каждой мелочи, так еще и в академии меры не знаешь, вечно ищешь неприятностей! Ты что, сжить меня со свету решил?

— Значит, отец считает, что я позорю его? — Е Мянью поднял голову.

— Твой позор — это полбеда! Ты о старшем брате подумал? Не боишься его очернить? — Заместитель министра Е распалялся все сильнее. — Как только у Братца Цзина мог появиться такой непутевый брат! Знай я заранее, ни за что не позволил бы твоей матери родить тебя на свет!

<http://bllate.org/book/18289/1753817>